

Те, кто подолгу оставался на границе, привыкали ко многому. Случалось, прямо посреди битвы, когда победа казалась близкой и осязаемой, им приходилось мириться с врагом по воле внезапного императорского указа. Тот, с кем ты только вчера делил похлёбку, сегодня погибал в бою, и единственное, что ты мог сделать для него, — предать тело земле да отправить окровавленное жалование его семье. Пройдёт совсем немного времени, и, кроме близких, никто уже не вспомнит его имени. Когда бушует война, смертей так много, что разве всех упомнишь?

Вид бесконечных потерь со временем делал сердца чёрствыми. Однако именно эти люди острее других чувствовали несправедливость и хранили в душах яростный пыл. Хан Сиэнь безжалостно обнажил их слабость, и его небрежный, сопряжённый с презрением тон заставил сердца военачальников в штабной палатке забиться чаще.

Раньше, когда Лю Хучэн ещё подчинялся маркизу Цзинго, он не был столь робким и осторожным. В те времена ему надлежало лишь выполнять приказы господина. Но, приняв под начало весь Сицзян, он всякий раз, видя павших воинов, ощущал личную вину. Забота о собственной участи и жизнь солдат сделала его излишне осмотрительным. Без твёрдой уверенности в победе, без приказа из столицы или личного указа императора он предпочитал сидеть в глухой обороне.

Потери войск Сицзяна действительно сократились, и в глазах далёких столичных вельмож он по-прежнему оставался грозным воителем. Но сам Лю Хучэн понимал, что давно изменился. Чиновничья служба вытравила из его души прежний воинский задор, оставив лишь холодный расчёт и корыстные помыслы. Теперь, когда Хан Сиэнь так безжалостно обнажил его слабость, генерал застыл в растерянности, не зная, что возразить.

Стоявший подле него заместитель командующего Чжоу Жань обычно радовался неудачам соперника. Вражда между ними завязалась ещё тогда, когда Лю Хучэн возглавил войска Сицзяна — Чжоу Жань искренне считал себя более достойным этого поста. Однако колкость Хан Сиэня задела его за живое: ведь Наследник оскорбил всю пограничную армию. Желая к тому же снискать расположение других командиров, Чжоу Жань холодно усмехнулся:

— Послушать почтенного Наследника, так он и понятия не имеет, сколько крови проливается на войне. В войсках Сицзяна нет трусов, но если есть возможность жить в мире, кто захочет каждый день рисковать головой ради чужих распрей? Господин Наследник вырос в столице, привык к роскошным шелкам и изысканным яствам — ему едва ли знакома горечь утраты.

Чжоу Жань обвёл взглядом присутствующих и добавил:

— Я прекрасно понял, к чему клонит господин Наследник. Вы хотите, чтобы наши войска сошлись с сижунцами в открытом бою. Но если вспыхнет война, кто вернёт жизни павших? Для столичной знати головы простых солдат мало чего стоят, но для их семей живой муж или сын — единственная надежда. Мёртвым же ничего не нужно.

Слова Чжоу Жана заставили собравшихся умолкнуть. Воинам на границе слишком часто

приходилось смотреть в лицо смерти и видеть слёзы осиротевших близких — тихие, безмолвные или полные неистового отчаяния. Каждая такая потеря ложилась на душу тяжким бременем. Все они понимали: сегодняшнее малодушие в будущем обернётся ещё большей кровью. И всё же они малодушно цеплялись за призрачный покой.

Хан Сиэнь выслушал Чжоу Жаня до конца, не перебивая. Он прекрасно понимал его доводы, но спорить не собирался.

— Мне ведомы ваши опасения, господин заместитель, — негромко произнёс он. — Нрав у меня скверный, и если мне дадут пощёчину, я привык возвращать две. Возможно, вы правы, и война несёт лишь гибель и разорение. Но никто из нас не стремится разжечь пожар ради собственной наживы. К тому же сегодня речь идёт всего лишь об обмене пленными. С чего бы этому перерасти в войну? Раз уж я ношу звание императорского инспектора и сам предложил этот выход, то лично отправлюсь на границу.

— Полноте, — тут же возразил Лю Хучэн. — Ваша участь, господин Наследник, слишком драгоценна, а обстановка на рубеже меняется ежеминутно. Если с вами что-то случится, мне не сносить головы перед Его Величеством.

— Решение принято, генерал Лю, — сухо отрезал Хан Сиэнь. — Я согласился на должность инспектора и сам выдвинул условия обмена, а потому должен лично убедиться, что наши люди вернутся невредимыми. И мне весьма любопытно взглянуть, осмелится ли Сижун начать войну из-за этого дела.

Пятый принц Цзи Хуай, доселе хранивший молчание, подал голос:

— В словах Наследника есть резон. Мои таланты скромны, но я готов разделить эту участь с воинами Сицзяна.

Понимая, что спорить с ними бесполезно, Лю Хучэн тяжело вздохнул и принялся отдавать приказы. Обернувшись к Хан Сиэню, он проговорил:

— Раз уж вы твёрдо вознамерились ехать, прошу вас, берегите себя.

Хан Сиэнь лишь небрежно кивнул.

В этот момент вперёд выступил генерал Бай Вэньхань:

— Командующий, господин инспектор, если мы хотим застать сижунцев врасплох, нужно вести пленнх прямо к границе, не предупреждая их заранее.

— Прекрасная мысль, — отозвался Хан Сиэнь. — Излишняя учтивость сегодня ни к чему. Раз уж мы диктуем свои условия, незачем с ними совещаться. Пусть всё идёт по нашим правилам.

Лю Хучэн ненадолго задумался. Раз уж они решили показать зубы, не стоило мелочиться. К тому же генерал-губернатор Чжао Вэнь сейчас под арестом, контролировать их некому, так что военные вполне могли позволить себе некоторую вольность. Главное, что рядом находились Наследник Хань и пятый принц — перед императором будет кому держать ответ.

Изначально Лю Хучэн намеревался лично повести войска, но Хан Сиэнь возразил, резонно заметив, что командующему лучше оставаться в тылу. На границе могло случиться всякое, и если бы сижунцы сумели захватить верховное руководство, Сицзян погрузился бы в хаос.

В итоге командующий поручил генералу Бай Вэньханю возглавить отряд из трёх тысяч воинов и выдвинуться к рубежу — такой силы было достаточно, чтобы внушить уважение врагу, но при этом не спровоцировать преждевременное наступление. Сам же Лю Хучэн повёл двадцатитысячное войско к Склонам Цветущей Сливы, готовый в любой момент прийти на выручку.

Хан Сиэнь отправился в путь вместе с Бай Вэньханем, устроившись в удобном, устланном мягкими тканями паланкине. Цзи Хуай тоже рвался в дорогу, но Лю Хучэн наотрез отказал ему. В глазах генерала Хан Сиэнь, при всей своей знатности, оставался лишь сыном маркиза, тогда как Цзи Хуай был принцем крови. Позволить сижунцам пленить императорского сына Лю Хучэн просто не имел права.

Перед самым выездом генерал Бай подозвал к себе инструктора Бай Шу и велел ему неотлучно следовать за паланкином Хан Сиэня, охраняя его покой. Отдавая это распоряжение, Бай Вэньхань невольно досадовал: его подчинённый сегодня весь день вёл себя из рук вон странно. Прослышав о прибытии Наследника в лагерь, Бай Шу тут же отпросился со службы, сославшись на внезапное недомогание, и всячески избегал встречи с юношей. Не будь время столь дорого, генерал непременно велел бы лекарю осмотреть его.

Сам Хан Сиэнь лишь слегка удивился подобной нелюдимости Бай Шу, но быстро успокоился. Он рассудил, что так будет лучше для них обоих.

Отряд под предводительством Бай Вэньханя, не торопясь, конвоировал оборванных пленных к самой границе. Стоявшие на заставе сижунцы всполошились, решив, что армия Великой Чжоу идёт в атаку, и спешно послали гонцов к своему командованию.

Вскоре послышался глухой топот копыт, и к рубежу подтянулись вражеские всадники, увешанные луками и стрелами. Лица их дышали злобой. Посреди строя виднелись похищенные мирные жители Великой Чжоу и захваченные пастухи. Облик пленников внушал жалость: одежда на них превратилась в жалкие лохмотья после того, как сижунцы безжалостно обобрали их до нитки.

Хан Сиэнь наблюдал за происходящим из паланкина, установленного во главе джоуского строя. За его спиной плотными рядами выстроились латники Сицзяна.

Приглядевшись к прибывшим сижунцам, Хан Сиэнь негромко обратился к Бай Вэньханю:

— Посмотри на того, кто стоит за спиной их предводителя. Тебе не кажется его лицо знакомым?

Бай Вэньхань вгляделся в сижунское войско. Во главе вражеского отряда на могучем коне восседал темнокожий великан свирепого вида — великий генерал Ухэ, славившийся недюжинной силой и пристрастием к паре тяжёлых боевых молотов, которыми он сейчас небрежно жонглировал в воздухе. Человек же, на которого указывал Хан Сиэнь, стоял у самого сижунского знамени. Он был смугл, но гладко выбрит, черты его лица казались даже благородными, а взгляд выдавал острый, холодный ум. Весь его облик дышал врождённым достоинством.

— Впереди — Ухэ, — негромко пояснил Бай Вэньхань. — А вот того, кто позади, я прежде никогда не видел.

Тем временем генерал Ухэ громогласно расхохотался, продолжая подбрасывать и ловить свои увесистые молоты:

— С чего это Великая Чжоу сегодня так засуетилась? Наши государства всегда жили в согласии, к чему этот вооружённый визит на границу? Есть дело?

Бай Вэньхань уже собирался ответить, но Хан Сиэнь остановил его жестом. Намеренно проигнорировав великана, он устремил пристальный, насмешливый взор на человека у знамени:

— Лицо почтенного господина кажется мне на редкость знакомым. Помнится, когда я только прибыл в Сицзян, один разбойничий вожак преследовал джоуских пастухов, пытаясь отобрать их добро. Тот наглец был заросшим, бородатым и весьма заносчивым, а на прощание даже пустил в меня стрелу. Любопытно получается: неужто воины Сижун переодеваются простыми кочевниками, дабы грабить мирных жителей сопредельного государства? Ежели так, у меня есть все основания полагать, что Сижун намеренно разжигает пограничный конфликт. Полагаю, под одеждой у этого вожака остался памятный шрам от ранения. Быть может, почтенный господин согласится обнажить плечо и развеять мои сомнения? Что скажете, генерал Ухэ?

Ухэ свирепо насупился:

— Что ты за тварь такая, прячущая лицо за жуткой маской? Боишься показаться людям на глаза? Когда это наши воины марали себя грабежами?

Бай Вэньхань мгновенно подался вперёд, осадив его ледяным тоном:

— Поубавьте спесь, генерал Ухэ. Перед вами — назначенный лично Его Величеством императорский инспектор Великой Чжоу.

Хан Сиэнь, подперев подбородок ладонью, даже не взглянул на беснующегося громилу. Его взор по-прежнему был прикован к смуглому юноше:

— Если верить генералу Ухэ, прятать лицо за маской — удел ничтожеств. Что ж, тогда тот, кто скрывает своё имя ради гнусных грабежей, верно, и вовсе не заслуживает звания человека.

Глаза Ухэ налились кровью, но стоявший позади воин положил руку ему на плечо, заставив умерить пыл. Сделав шаг вперёд, он открыто улыбнулся и звонким, уверенным голосом произнёс:

— У императорского инспектора на редкость острый взгляд. Я всего лишь проходил службу в пограничных войсках и не думал, что буду раскрыт столь быстро. Моё имя — Хуянь Лу, я третий принц Сижун. Позвольте узнать имя столь проникательного чиновника?

Бай Вэньхань внутренне подобрался. О принце Хуянь Лу в Сицзяне ходило немало слухов: его считали человеком выдающегося ума и коварства, любимцем правителя Сижун и наиболее вероятным преемником престола. Ни один лазутчик не доносил о том, что третий принц тайно находится на границе. Зачем правитель отправил сюда своего лучшего сына?

Пока в голове генерала роились тревожные мысли, Хан Сиэнь лениво отозвался:

— Разве вам только что не доложили? Я — императорский инспектор Великой Чжоу, Наследник герцогского дома Хань, Хан Сиэнь.

Хуянь Лу ничуть не задело пренебрежение собеседника. Он вежливо склонил голову:

— Так передо мной знаменитый Наследник Хань. Наслышан, наслышан.

— Раз вы третий принц Сижун, стало быть, я обознался, — протянул Хан Сиэнь с едва уловимой усмешкой. — Столь благородный муж никак не мог опуститься до того, чтобы грабить несчастных крестьян, словно дикий зверь.

Принц успел увести разговор в сторону, не позволяя уличить себя в набеге. Требовать от высокородного члена правящей династии раздеться прилюдно джоусцы не могли, но Хан Сиэнь не упустил случая всласть поиздеваться над врагом.

Ухэ, слыша эти оскорбления в адрес своего господина, сжал рукояти молотов так, что на руках вздулись синие вены. Он готов был растерзать наглого инспектора на месте. Сижунцы преклонялись перед силой, и для Ухэ принц Хуянь Лу был неоспоримым авторитетом, терпеть глумление над которым казалось невыносимым.

Сам же Хуянь Лу оставался безупречно спокоен. Он мягко возразил:

— Наследник Хань, должно быть, пал жертвой заблуждения. Земли Сижун скудны, наши люди часто голодают, отчего порой случаются досадные стычки на рубеже, уносящие жизни с обеих сторон. Однако я верю, что это лишь досадные частности. И наш правитель, и народ Сижун искренне желают жить в мире и согласии с Великой Чжоу на долгие века.

Бай Вэньхань мысленно поразился подобному бесстыдству. В умении держать лицо этот сижунский принц едва ли уступал самому Хан Сиэню.

Юноша в маске тоже смерил Хуянь Лу оценивающим взглядом, забавляясь встречей с настолько изворотливым противником.

Сижунский принц окинул взором пленных со своей стороны и с притворной озабоченностью поинтересовался:

— Так зачем же многоуважаемый инспектор привёл сюда этих людей?

Хан Сиэню наскучило тратить время на пустые препирательства. Он слегка зевнул:

— Разве не вы сами желали обмена? Я привёл ваших людей. Начнём.

Хуянь Лу на миг замешкался, а затем сокрушённо вздохнул:

— Слышал я об этом уговоре. Простые кочевники просили об обмене, ведь джоуские пленники им без надобности, а семьи их бедствуют, не зная, как свести концы с концами. Вот они и надеялись выручить за них немного серебра, чтобы пережить зиму. Если Великая Чжоу привезла деньги и людей, мы готовы начать обмен. Разумеется, наши воины не станут вмешиваться в дела мирных пастухов, но если джоусцы вздумают обидеть наших подданных, мы не останемся в стороне.

На эту наглую тираду Хан Сиэнь лишь насмешливо фыркнул. Жестом приказав страже вывести пленных сижунцев вперёд, он холодно произнёс:

— Мои намерения чисты, и я прибыл совершить честный обмен. Но серебра мы не привезли. С чего бы нам платить за то, что принадлежит Великой Чжоу по праву? Как думаете, принц, что нам делать в таком случае?

Хуянь Лу посмотрел на истощённых джоуских пастухов, затем на крепких сижунских пленных. Обмен выходил явно неравным.

— Требования господина инспектора чрезмерны, — твёрдо ответил он.

— Чрезмерны? — искренне изумился Хан Сиэнь. — Ваши люди совершили набег, увели наших граждан, держали их в скотских условиях и лишили одежды, а теперь вы обвиняете меня в чрезмерности?

Пока принц подбирал слова для ответа, Хан Сиэнь нетерпеливо взмахнул рукой:

— Отвечайте коротко: согласны или нет?

— Ни в коем случае, — отрезал Хуянь Лу.

Атмосфера мгновенно накалилась. Ухэ закрутил свои молоты с удвоенной силой. Хуянь Лу в упор смотрел на Хан Сиэня. Этот изнеженный столичный юноша восхищал его своей дерзостью и бесстрашием. Будь он сижунцем, принц непременно приблизил бы его к себе. К сожалению, Наследник Хань служил вражеской державе. Рано или поздно плодородные земли Великой Чжоу покорятся Сижуну, и тогда они поговорят на ином языке. Но пока открытая война была невыгодна.

Хан Сиэнь уловил волну яростных и амбициозных мыслей, бушевавших в голове принца. Он слегка опустил ресницы и равнодушно произнёс:

— Раз уж третий принц не согласен на мирный договор, я предложу иной выход.

Голос его звучал тихо и вкрадчиво, но те, кто хорошо знал Наследника, поняли: его терпение иссякло. Бай Вэньхань встревоженно посмотрел на юношу. Хан Сиэнь тем временем продолжал столь же мягко и безмятежно:

— Выведите одного сижунца. На каждый мой счёт отсекайте ему по пальцу. Сначала на руках, затем на ногах. Если пальцы закончатся, переходите к конечностям. На человеческом теле полно частей, которые можно отрезать одну за другой, так что десятка три ударов он точно выдержит. Когда я велю закончить, мы вернём то, что останется, принцу Хуянь Лу — на долгую память.

От этих ласковых слов по обеим сторонам границы повеяло могильным холодом. Ни джоусцы, ни сижунцы не ожидали от хрупкого юноши в маске столь хладнокровной жестокости.

Тем не менее среди воинов Великой Чжоу нашёлся тот, кто беспрекословно повиновался приказу. Схватив за шиворот одного из сижунских пленных, воин выволок его прямо к паланкину инспектора.

Бай Вэньхань с удивлением узнал в этом исполнителе Бай Шу. Но ещё удивительнее было то, что сам инструктор, едва оказавшись подле паланкина, внезапно залился густой краской и отвёл взгляд в сторону. В его сознании, обычно дисциплинированном и сухом, сейчас бушевал ураган из постыдных воспоминаний. Бай Шу отчаянно пытался отогнать картины недавнего

ночного сна — безумных, порочных грёз, в которых он разделял ложе с Наследником Хань и из-за которых проснулся на рассвете с липкой истомой в паху и испорченным бельём.

Хан Сизнь, обладавший способностью чувствовать чужие помыслы, замер. Его взгляд, обычно равнодушный к людским страстям, на мгновение наполнился неподдельным потрясением.

Он никак не ожидал, что главным героем ночных утех инструктора Бай Шу окажется он сам.

Наследник поспешно отвернулся, силясь сохранить маску невозмутимости, но его пальцы так сильно впились в деревянный подлокотник кресла, что костяшки побелели. Сегодняшний день казался ему до крайности утомительным.

И более всех его утомлял этот молчаливый воин.

<http://bllate.org/book/20088/2002084>